

Юстинианом из дворца, и, следовательно, был враждебно настроен к императору, дает возможность предположить, что он призывал овладеть другими дворцами, считая подобные действия наиболее целесообразными. Так же, очевидно, воспринимал это и Прокопий, который сразу же после речи Оригена весьма пренебрежительно отзывается о толпе, как бы противопоставляя благоразумного сенатора «этой черни, любящей все делать поспешно»⁵⁶, а также Ипатию, которому не терпелось попасть в царскую кафицу.

Возможно, Ориген в своей речи отражал точку зрения всех или во всяком случае большинства сенаторов, причастных к восстанию. Прокопий не упоминает о выступлениях других сенаторов и приводит лишь одну эту речь, которая, вероятно, была характерна для настроений аристократов столицы. Вообще ни один источник, описывая ход восстания, ничего не говорит о сенаторах; лишь по свидетельству Пасхальной хроники, восставшие повели на ипподром Ипатия, Помпея и патрикия Юлиана⁵⁷, по-видимому, одобрявшего тактику восставших.

Итак, позиция сенаторов в восстании Ника отличалась двойственностью. С первых же дней восстания аристократические круги Константинополя попытались использовать народное движение в своих интересах и направить его по выгодному для себя руслу. Их влияние на восстание отрицать невозможно. Однако в силу своей классовой ограниченности сенаторы отказались от решительных действий, и их союз с народными массами был лишь временным.

II. ДИНАСТИЧЕСКАЯ ОПОЗИЦИЯ В ВОССТАНИИ НИКА

Роль династической оппозиции в восстании Ника давно привлекала внимание исследователей. В. А. Шмидт, например, выделяет ее как одну из основных причин восстания. Автор рисует яркие образы племянников Анастасия, прежде всего Ипатия, приписывая ему стремления, которых в действительности не было, и подвиги, которых он не совершал⁵⁸.

Придавая большое значение династической оппозиции, В. А. Шмидт, по-видимому, опирается на рассказ комита Марцеллина, который утверждает, что «Ипатий, Помпей и Проб, когда в январские иды большая часть знати была связана клятвой, с помощью даров и раздачи оружия побудили обманутую толпу выступить против власти, которую они каждый в отдельности желали себе захватить, и с помощью дурных граждан разрушили огнем, мечом и грабежом царственный город, в то же время во дворце изображая себя преданными императору»⁵⁹. Сведения этого хрониста были, по всей вероятности, близки к официальной версии⁶⁰, представлявшей восстание как династический заговор, а не народный мятеж⁶¹.

⁵⁶ *Procop.*, В. Р., I, 24, 31.

⁵⁷ *Chron. Pasch.*, p. 624.

⁵⁸ *W. A. Schmidt. Der Aufstand in Konstantinopel unter Kaiser Justinian.* Zürich, 1854, S. 26. Автор пишет, что Ипатий был храбр, отважен и испытан в военном деле. Сведения В. А. Шмидта, однако, основываются на источниках панегирического характера и не имеют под собой реальной почвы. Так, автор утверждает, что во время персидской войны Ипатий возвратил империи Амиду, но это не следует ни из какого источника (*Joshua the Stylite. The Chronicle composed in Syriac A. D. 507. Cambridge, 1882, ch. 71 f.; Zach. Rhet., VII, 5; Theoph., p. 148—149; см. также: J. Bury. Op. cit., vol. II, p. 14; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 97—98; Н. В. Пугачевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. М.—Л., 1940, стр. 121—126*). Рисуя пленение Ипатия Виталианом, В. А. Шмидт пишет, что он попал в плен из-за своей чрезмерной храбрости и стойко перенесил невзгоды плена. Но и это не соответствует действительности (см. ниже, стр. 32).

⁵⁹ *Marcell. Comit.*, p. 103.

⁶⁰ *J. Bury. The Nika Riot.* — *JHS*, XVII, 1897, p. 93; автор в то же время отстаивает самостоятельность суждений комита Марцеллина, полагая, что он не столько писал в угоду императору, сколько отражал настроения придворных кругов вообще.

⁶¹ З. В. Удальцова. Народные движения в Византии при Юстиниане. Восстание Ника (532). — В кн.: «История Византии», т. 1. М., 1967, стр. 285.